

Ранняя перформативность *

С. Г. Проскурин

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Описывается состояние ранней перформативности, которая опиралась на голосовую функцию. Само наличие перформативности, как конституирующего явления культуры, опирается на адекватность его оценивания по шкале «успешный – неуспешный» и исключения каких-либо оценок логического плана по шкале «истинный – ложный». В результате культура как бы покоится на некоторых постулатах, которые нельзя отрицать в обычном смысле слова. И здесь особую роль играет голос как ауто-поэтический фактор перформативности. Именно голос является критерием распознавания ранней перформативности. Именно голосовая функция позволяет изначально менять ход событий произношением празвуков.

Ключевые слова: перформативность, голосовая функция, семиотика, модель семиозиса, аутореферентность
УДК 003

Контактная информация: Проскурин Сергей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии факультета иностранных языков Новосибирского национального исследо-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

вательского государственного университета, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090; пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия, s.proskurin@mail.ru)

Примеры изначальных речевых актов говорят об их сугубо голосовой и перформативной природе. Как отмечает У. Эко, «дантовский Бог, кажется, знает *how to do things with words* (англ. как делать вещи с помощью слов), иными словами, он задействует магическое перформативное свойство слов, предоставляя, таким образом, опасную модель для всех тех будущих последователей сект, которые, придерживаясь оккультных практик, будут убеждены в возможности менять ход событий посредством произношения параеврейских звуков. Неясно также, что делает Бог, когда, например, призывает (“*appelavit*”) свет дня и мрак ночи, при условии, что у него нет никакой необходимости сообщать эти имена никому, и уж тем более самому себе» [Эко, 2016, с. 273–274].

Ритуальные матрицы культуры, как правило, содержат перформативные комплексы, открытые в свое время Джоном Остином. Такие перформативные ядра не истинны и не ложны, т. е. их нельзя отрицать с позиции логики, они обладают конституирующей силой. Изначальный речевой акт лежит в основе мира. Этот речевой акт успешен, так как он приводит к созданию мира [Proskurin, 2013; Проскурин, 2013, с. 214].

Культуры, таким образом, покоятся на своеобразных перформативных «подушках», которые формируют свободный от рационального оценивания пласт культурных практик или трансферов. В последнее время нами ощущается жанровая предрасположенность таких перформативных ядер, на которых могли бы покоиться целые направления литературных жанров. Так, нами ранее была показана развертка просопопеи из аутореферентных надписей типа «говорящая вещь». Кроме того, более детальное исследование летописей и хроник вскрывает в них дежурные перформативные каркасы, на которых покоится весь фундамент речевой деятельности. Так, самой распространенной культурной практикой является речевая практика перформативной силы слова, оказывающейся «кирпичиком», из которого складывается эпическое произведение.

1 Спросил Ахура-Мазду
Сипитама-Заратуштра:
«Скажи мне Дух Святейший,
Создатель жизни плотской,
Что из Святого Слова

И самое могучее,
И самое победное,
И наиболее богатое,
Что действенной всего?
[....]

3 Ахура-Мазда молвил:

«Мое то будет имя
Сипитама-Заратуштра,
Святых Бессмертных имя,
Из слов святой молитвы
Оно всего мощнее,
Оно всего победнее
И наиболее богатее
И действенной всего
(Гимн Ахура-Мазде, Яшт 1 «Ормазд-яшт»)

В сердцевине зороастрийского комплекса веры лежит успешный перформатив, связанный с изреченным и промолвленным. Крупные контенты опираются на подобные срединные утверждения, не требующие доказательств своей истинности. Речевая практика становится основой мира и в конечном счете является базой исчисления более крупных величин – жанров.

Ранняя перформативность отражается в древнеегипетской традиции. «Когда кто-либо, бог или человек, сам, от рождения, либо вследствие приобретенных добродетелей или заслуг, или магических действий, достигал состояния благодати, которое именуется святостью или божественностью, египтяне говорили о нем, что он “правый голосом mАa-xrw”. Этот эпитет применялся к богам, царю, почитавшемуся живым богом на земле, умершим, удостоенным оправдания, или, наконец, к живым людям, достойным подобной милости, – таким, как жрецы, совершавшие богослужение, или маги, сведущие в ритуалах. Быть mАa-xrw означало получить в свое распоряжение животворящее Слово, которое давало полную власть во всех случаях и в любое время» [Морэ, 2009, с. 82–84].

В римском праве примером базового контента являются стипуляции. Стипуляцией назывался устный договор, заключаемый посредством вопроса будущего кредитора (*centum dare spondes?* – обещаешь дать сто?) и совпадающего с ответом (*spondeo*) со стороны лица, соглашающегося быть должником по обязательству» [Новицкий, 2005, с. 196]. Примечательно, что обязательство, возникшее из стипуляции, было обязательством строгого права и потому подлежало строго буквальному толкованию. Как отмечает И. Б. Новицкий, еще Гай считал стипуляцию недействительной, если на вопрос кредитора «обещаешь ли 10?», должник отвечал «обещаю 5». Исполненная ненадлежащим образом стипуляция признавалась

неуспешной. Подобные перформативные конструкции зеркального типа стоят у истоков этимологии *spondeo* : *respondere*, *sware* : *andswaru*. Обязательства строгого типа исторически служили в древних текстах элементом выражения согласия.

Господь сказал: Если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу [весь город и] все место сие.

Авраам сказал в ответ: Вот я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город?

Он сказал: Не истреблю, если найду там сорок пять.

Авраам продолжал говорить с Ним и сказал: Может быть найдется там сорок?

Он сказал: Не сделаю того и ради сорока.

Успешность заключенного соглашения опирается на строгие обязательства 50 : 50, 45 : 45, 40 : 40, 30 : 30, 20 : 20, 10 : 10. Если наступало согласие, то обязательства носили зеркальный характер. Если же обязательство нарушалось асимметрией, то оно не носило связующего характера. Самое важное – обязательство делалось голосом в цикле «вопрос – ответ». Вступление в силу имело перформативную природу успешности. Любопытно, что ветхозаветные формулы опираются на голосовые перформативы, в то время как новозаветные формулы зиждутся на непроизнесенном сокровенном Слове.

Голосовая функция имеет одну важную особенность. Она сообщает перформативность даже бессмысленным звукам. В работе В. В. Фещенко «Голоса за пределами логоса: глоссолалия как коммуникативный феномен» рассказывается о том, как Ф. де Соссюр сделал ряд замечаний по поводу так называемых «марсианских» текстов Хелен Смит. По мнению Ф. де Соссюра, марсианский язык представляет собой измененную до неузнаваемости форму французского, родного языка спиритки. «Самое интересное в этих наблюдениях Ф. де Соссюра – повсеместный поиск смысла в бессмысленной на поверхности глоссолалии. Он стремится различать то, что поддается пониманию, и то, что непонятно. Некоторые слова Хелен Смит он толкует как близкие к санскриту, другие же считает лишенными смысла. При этом Соссюру хорошо известно, что языка без смысла не бывает. Различия и повторения элементов, составляющие систему, уже создаются презумпцией осмысленности. Соссюр здесь находится в рамках созданной им же самой дихотомии языкового знака. Там, где есть означающие, должны быть и означаемые, считает он. Если есть система дискретных форм, значит, должен быть и смысл, связываемый с континуальностью. Впрочем, он допускает, что такая иллюзия смысла может быть результатом языковой игры: «В целом должен отдать себе отчет, что все случаи континуального смысла, которые я с увлечением разыскал здесь,

на данный момент являются не чем иным, как простой игрой. Хотя анализ санскритоидной глоссолалии Смит и мог казаться игрой, спустя десятилетие научная судьба Соссюра приведет его уже к более серьезным играм, а именно к расшифровке анаграмм в реальных древних санскритских текстах. Методика там останется той же – поиски смысла, скрытого в формах, рассеянных по тексту» [Фещенко, 2015, с. 320–321]. Так, соссюровские анаграммы и их выделение также связаны с перформативной природой голоса, являющегося изначально мощнейшим источником перформативов. Это действует как восклицание «Я клянусь!», замыкающее на себе не звучащую, молчащую парадигму. Подобно тому, как размыкание цепи клятвы и отличие ее от констатации «Он клянется» и утверждения «Ты клянешься» упирается в наличие голосовой перформативной функции.

Декламация или исполнение голосом привели к возникновению нотной грамоты. «В XI веке Гвидо Аретинский, монах монастыря в Помпозе, предложил важное нововведение. Он дал имена нотам в музыкальной гамме – по первым слогам каждой полустроки гимна Иоанну Крестителю, а также придумал, как их записывать (Строчка “*Ut queant laxis resonare*” подарила нам *ut*, позже превратившийся в *do* и *re*; “*Mira gestorum famuli tuorum*” дала *mi* и *fa*, “*Solve polluti labii reatum*” – *sol* и *la*)» [Исакофф, 2016, с. 53]. Перформативная голосовая природа нотной грамоты проявляется через исполнение или перформанс.

Прежде всего, функция голоса позволяет распознать перформатив в Библии [2002]:

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

Другим примером голосовых перформативов являются надписи «говорящая вещь». Создатель вещи и автор надписи остаются за текстом, на первый план выходит вещь. Автор надписи и производитель артефакта сливаются, присутствует амбивалентность, которая выталкивает на первый план субъекта, не являющегося автором надписи или производителем артефакта. Сама же перформативность, а именно скрещивание слова и дела, обнаруживается через имитацию речи голосом. Надписи как бы говорят (рис. 1–3).

Наиболее яркие примеры дают надписи, содержащие формулы создателя (мастера) и формулы владельца (*maker and owner formulae*), иногда присутствующие в одной фразе, на одном предмете.

Формула мастера выглядит следующим образом: имя + личное местоимение 1 л. ед. ч. в косвенном падеже + глагол прош. вр. изъяв. накл. 3 л. ед. ч., например:

ΜΥΡΕΔα/Η:ΜΕΗ:ΡΟ-
 Мюридах меня сделал (изготовил)

(Alnmouth – название надписи в соответствии с местом обнаружения)
 (рис. 4)¹.

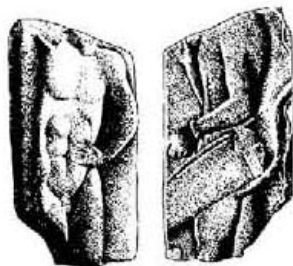
Рис. 1. Схема «говорящей вещи»

«Меланфий посвятил меня, статую,
 Зевсу Фиванскому»

Рис. 2. Египетская бронзовая база для статуэтки из Мемфиса с греческой посвятительной надписью (третья четверть VI в. до н. э.)

¹ Здесь и далее надписи приводятся по: [Okasha, 1971].

Надпись сбоку:
 [Μν?μ]ά ε[μ] Λε?ξου το? Μολλαγόρ]εω.
 ...?στ]ηκα, λέγω δ' ?τι τ?λε πόλε[? ς που]
 [?ν Σκυθίη? κε?τα]ι Λέωξος ? Μολλαγόρε[ω].
 «Я – надгробный памятник Леоксу, сыну
 Мольпагорей... и я сообщаю, что Леокс,
 сын Мольпагорей, лежит далеко от своего
 родного города [в Скифии?]».

Рис. 3. Стела Леокса, мраморная надгробная плита из Ольвии. Двусторонний рельеф с изображением обнаженного атлета и лучника в одежде скифского стрелка (ок. 490 г. до н. э.)

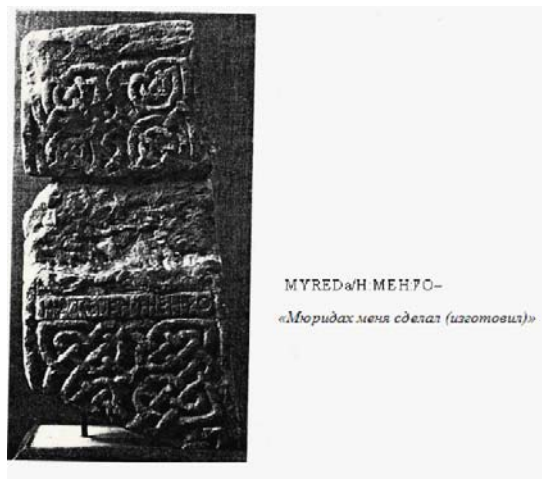

Рис. 4. Пример формулы мастера

Рис. 5. Suxton. Серебряная брошь с надписью англосаксонскими прописными буквами, обнаруженная в 1830 г. в графстве Кент (X в.) (слева). Athelney. Золотое изделие, украшенное хрусталем и эмалью (вероятно, конец IX – начало X в.) (справа)

Формула владельца: 1) имя + личное местоимение 1 л. ед. ч. в косвенном падеже + глагол наст. вр. изъяв. накл. 3 л. ед. ч. или, реже, 2) имя + личное местоимение 1 л. ед. ч. в косвенном падеже + глагол прош. вр. изъяв. накл. 3 л. ед. ч.

† ÆLF GIVV MEA[H] |
 Элфгив мной владеет

† ÆLFREDM / ECH / ENTGEVVYRCAN |
 Элфред меня приказал сделать (изготовить)

Интересен тот факт, что в качестве адресанта надписи выступает не мастер или владелец, а сама вещь, предмет, на который эта надпись нанесена, таким образом, неодушевленный объект «обретает дар речи», становится «говорящей вещью».

Почему предмет «говорит» от первого лица? Мы считаем это чертой, унаследованной от устной культуры, где субъект речи и ситуация общения неотделимы друг от друга, поэтому субъект неизбежно присутствует в речи и в ранних письменных памятниках необходим для того, чтобы надписи выполняли свою функцию, – доносили информацию, читались. Использование формы 1 л. позволяет «имитировать речь», предмет замещает говорящего, выступая в его роли.

Любопытный факт: в одной из (более поздних) англосаксонских нерунических надписей на латинском языке находим прямое указание на процесс *письма*:

✠ TOKI:ME:SCRIPSIT: |
Токи меня написал (рис. 6).

По-прежнему фактический и текстовый адресанты не совпадают, но изменения уже заметны, так как теперь говорит не вещь, а сам текст, т. е. появляется «говорящая **надпись**». Данный пример иллюстрирует сочетание устности (все еще присутствует необходимость в имитации речи) и письменности (осознается наличие письма).

TOKI:ME:SCRIPSIT:
«Токи меня написал»

Рис. 6. Stratfield Mortimer. Конусообразная каменная плита с надписью, выполненной англосаксонскими прописными буквами (вероятно, XI в.)

Англосаксонские нерунические формулы мастера и владельца, содержащие в себе личное местоимение 1 л. ед. ч. в косвенном падеже, встречаются на следующих изделиях:

1) украшения (Athelney, конец IX – начало X в., Bodsham, IX в., Canterbury I, X в., Cuxton, X в., Lancashire, IX в., Sutton, конец X – начало XI в., «sigerie» ring (датировка затруднена), «eawen» ring, конец IX – начало X в.);

2) оружие (Almouth, вероятно, X в., Exeter, IX–XI вв., Sittingbourne, конец IX – начало X, Wallingford II, X–XI вв.);

3) изделия из камня (солнечные часы (Great Edstone, X–XI вв., Old Byland, XI в., Kirkdale, A. D. 1055–1065), каменные плиты (Lincoln I, XI в., Stratfield Mortimer, вероятно, XI в.));

4) церковные принадлежности (покрытый золотом деревянный крест с пространством для хранения реликвии (текст повторяет начало «Видения креста») (Brussels I, X–XI вв.); крышка кадила (Pershore, X–XI вв.).

Как можно видеть, последняя группа самая немногочисленная, «говорящие вещи» принадлежали к миру повседневности, обыденности. Отметим одну надпись, которая сочетает в себе обыденность и религию (формула владельца нанесена на ювелирное украшение – серебряную брошь в форме диска, за самой формулой следует христианское проклятье):

✚ ÆDVƿEN ME AG AGE HYO DRHTEN
DRHTEN HINE AƿERIE DE ME HIRE ÆTFERIE
BVTON HYO ME SELLE HIRE AGENES FILLES

Эдвюн мной владеет, владеет ею (пусть) Господь,
Господь того (пусть) накажет, кто меня у нее заберет,
за исключением только если она меня отдаст ему
по собственной воле (рис. 7).

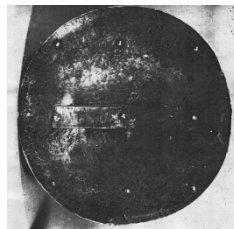

Рис. 7. Sutton. Серебряная брошь в форме диска
(конец X – начало XI в.)

Эта надпись является более поздней по сравнению с остальными, выполненными на предметах такого рода (датировки см. выше). Возможно, здесь мы видим переплетение более древней традиции «говорящей вещи» и более новой традиции, связанной с принятием христианства. На новую традицию указывает употребление лексемы *Drihten* «Господь», встречающейся в христианских текстах, а также глагольная форма *AƿERIE* (причастие *a-wariged* имеет значение 'accursed' [Bosworth-Toller, 1954–1955],

«проклятый», причем имеется в виду проклятие как религиозное наказание). Немаловажным для нас является тот факт, что в тексте рассматриваемой надписи обнаруживается сохранение элементов уже упоминавшейся структуры формулы: безударные члены предложения (личные местоимения *me, hyo, hine, hire*) стремятся к началу предложения или синтагмы, занимают второе место.

Однако «говорящие вещи» – не единственное проявление аутореферентности. Субъект может заявлять о себе прямо, как, например, в древних рунических надписях:

**hAidR runoronu/fAlAbAkHaidarAg/ inArunAR ArAgeu/ hAerAmAlAusR/
utiAR weIAdAude/sARpAtbArutR**

Я спрятал здесь могучие руны. Да будет тот во власти
беспокойства и беспутства, да погибнет тот коварной смертью,
кто это разрушит! (Björketorp)

Субъект выступает на первый план, хотя и не называет своего имени (важно не просто указать, что здесь спрятаны могучие руны, но, обозначив деятеля, заставить надпись обрести речь). Проклятие, в отличие от англосаксонской надписи Sutton, не содержит отсылки к христианским мотивам, скорее напротив.

В следующей рунической надписи также наблюдаем имитацию речи:

okirilaRhroRaR hroReRorfeþataRinautalaif.udR

Я, эриль Хрорарь, сын Хрорера, сделал эту жертвенную плиту
(конец надписи неясен) (By).

Как можно видеть, явление аутореферентности представлено в ранних письменных памятниках в англосаксонской, древневерхненемецкой традиции. По нашему мнению, данное явление – не персонификация, а признак перехода от устной традиции хранения и передачи информации к письменной. Аутореферентность обусловлена необходимым сохранением характерных черт более ранней традиции в последующей.

Объединительным фрагментом всех этих надписей является имитация голосовой функции совместно с явлением аутореферентности. Выраженная перформативность опирается на жанровую черту надписей «говорящая вещь». Таким образом, голосовая функция является приоритетной чертой ранней перформативности и отвечает за воплощение этого явления языка и культуры.

Список литературы

- Библия / Рос. библейское общество. М., 2002.
- Искакофф С. Музыкальный строй. М.: АСТ: CORPUS, 2016.
- Морэ А. Египетские мистерии. М.: Новый Акрополь, 2009.
- Новицкий И. Б. Римское право. М.: Теис, 2005.
- Проскурин С. Г. Древние перформативы и право // Языковые параметры современной цивилизации: Сб. тр. I Науч. конф. памяти Ю. С. Степанова. М., 2013. С. 214–221.
- Фещенко В. В. Голоса за пределами логоса: глоссолалия как коммуникативный феномен // Живое слово. Логос – голос – движение – жест. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 313–326.
- Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016.
- Bosworth J., Toller J. N. An Anglo-Saxon dictionary. Oxford, 1954–1955. Vol. 1, 2.
- Okasha E. Anglo-Saxon Non Runic Inscriptions. L.: Cambridge Univ. Press, 1971.
- Proskurin S. To the Question of a topical Network of Language and Culture // Semiotics-2012. Semiotics and the New Media / Ed. by K. Haworth, A. Johnson, L. G. Sbrocchi. N. Y.; Ottawa; Toronto, 2013. P. 125–132.

Article metadata

Title: Early performativity

Author: S. G. Proskurin

Author's e-mail: s.proskurin@mail.ru

Author affiliation: Novosibirsk University; Novosibirsk State Technical University

Abstract. The article deals with the early performativity, which was based on the voice function. The performativity itself as a constituent phenomenon of culture is evaluated on the scale successful – not successful and is not included in the evaluation according to the scale true-false of logics. As a result culture is growing from the postulates, which cannot be neglected in the common sense of the word. Here the special role belongs to the voice function as an autopoietic factor of the performativity. It is the voice that is the criterion of the early performativity. It is the voice function which allows at inception to change the course of events by pronouncing protosounds.

Key terms: performativity, voice function, semiotics, semiosis model, autoreference.

Reference literature (in transliteration)

Bibliya. Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo [The Bible]. M., 2002.

Eco U. Ot dreva k labirintu. Istoricheskiye issledovaniya znaka i interpretatsii [From the tree to the labyrinth. Historical investigation of sign and interpretations]. M.: Akademicheskiiy proekt, 2016.

Feshchenko V. V. Golosa za predelami logosa: glossolaliya kak kommunikativniy fenomen [The voices beyond Logos: glossolalia as a communicative phenomenon] // Zhivoye slovo. Logos – golos – dvizheniye – zhest [A living word. Logos – voice – movement – gesture]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. С. 313–326.

Isakoff S. Muzykalniy stroy [Music set]. M.: Izdatelsto AST:CORPUS, 2016.

Morae A. Egipetskiye mysterii [Egyptian mysteries]. M.: Kulturniy tsentr «Noviy Akropol», 2009.

Novitskiy I. B. Rimskoye pravo [Roman law]. M.: Teis, 2005

Bosworth J., Toller J. N. An Anglo-Saxon dictionary. Oxford, 1954–1955. Vol. 1, 2.

Okasha E. Anglo-Saxon Non Runic Inscriptions. L.: Cambridge Univ. Press, 1971.

Proskurin S. G. Drevniye performativi I Pravo [Ancient performatives and Law] // Yazykovie parametric sovremennoy tsivilizatsii. Sbornik trudov pervoy nauchnoy konferentsii pamyati akademika RAN Stepanova Yu. S. [Language parameters of modern civilization / Collected works in honour of academician Stepanov Yu. S.]. M., 2013. С. 214–221.

Proskurin S. To the Question of a topical Network of Language and Culture // Semiotics 2012. Semiotics and the New Media. Ed. by K. Haworth, A. Johnson, L. G. Sbrocchi N. Y., Ottawa, Toronto. P. 125–132.